

А. А. ТОРТИКА

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА И
ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ХАЗАР НА РАННИХ
ЭТАПАХ ЕГО ИСТОРИИ (середина VII – начало VIII вв.)**

Несмотря на значительный объем и разнообразие хазароведческой литературы (археологической, источниковедческой, исторической) до сегодняшнего дня вопрос о центрах хазарской государственности, их роли на тех или иных этапах истории Восточной Европы остается открытым, дискуSSIONируется в среде специалистов, не находит однозначного и общепринятого решения. И если последняя столица Хазарского каганата – Итиль на Волге – признается в качестве основного (хотя и не единственного) экономического и политического центра в конце IX – первой половине X вв., то для первых столетий хазарской истории (примерно с последней четверти VII по середину VIII вв.) все далеко не так ясно и однозначно. Интрига возникает при сопоставлении данных основного массива письменных источников, прежде всего армянских (Себеос, Ананий Ширакаци, Моисей Хоренский), арабо-персидских (ал Куфи, ат Табари, Балазури, Халифа ибн Хайят, Гардизи, ал Мас'уди и т.д.), византийских (Феофан, Никифор, Константин Багрянородный), хазаро-еврейских (обе редакции письма Иосифа Хасдаи ибн Шафруту, Текст Шехтера, книга Иосиппон), с результатами последних трактовок происхождения и этнической принадлежности памятников перещепинского типа (Вознесенка, Глоссосы, Келегеи, Лимаревка, Малая Перещепина, Ясиново и т.д.).

В последние десятилетия в дискуссии по этому поводу определился ряд авторов, которые последовательно отстаивают хазарскую этническую принадлежность памятников перещепинского типа, в связи с чем они вносят существенные коррективы в решение вопроса о происхождении хазар, исторической географии раннего хазарского объединения, времени появления хазар на исторической арене в Предкавказье и Закавказье и т.д. К их числу

относятся А. И. Айбабин, Е. В. Круглов, А. В. Комар, К. Цукерман¹.

Не вникая в достаточно спорные и неоднозначные археологические, а, точнее, вещеvedческие нюансы проблемы, достаточно хорошо представленные в научной литературе², здесь необходимо обратиться к общеисторическому контексту и логике событий, происходивших на юго-востоке Восточной Европы в VII – первой половине VIII вв. Кроме того, требуют уточнения определенные методологические аспекты данной проблемы. Прежде всего, это касается этнического определения погребальных комплексов кочевой знати и, на основании этого, более широких выводов об этнической принадлежности кочевого населения степей соответствующего времени. Здесь, подспудно или осознанно, исследователи зачастую воспроизводят характерную для марксистской парадигмы советской исторической науки схему этногенеза, в которой племя рассматривалось в качестве определенной этнической общности. И если такой подход в той или иной степени может быть оправдан в отношении оседлых народов, длительное время занимающих одну и ту же территорию, то в случае кочевников фиксируется ряд противоречий. Прежде всего, в кочевое племя, союз племен, конфедерацию, иную политику могли входить родовые подразделения различного происхождения, говорящие на разных языках и даже являющиеся представителями различных антропологических типов и рас (иранцы, тюрки, монголы, угры). Цементирующим фактором для них являлось объединение под предводительством владельческого рода, представитель которого, хан, силой своего авторитета, управленческими, в том числе военными, талантами обеспечивал процветание, победы, добычу, захват территорий, неприкосновенность пастбищ и т.д. Название владельческого рода – гунны, тюрки, монголы, болгары или хазары, как правило, переносилось и на подчиненное ему родовое население. Так на страницах истории

¹ В частности, А. И. Айбабин в ряде работ [3; 4], в том числе в исследовании, специально посвященном археологии хазар на раннем этапе существования каганата, дает подробную характеристику материальной культуры кочевой элиты и военно-дружинной части общества раннехазарского времени, что позволило обойтись без соответствующих описаний вещевых комплексов в данной статье [5, с. 287-294]. Кроме того, что особенно важно в контексте настоящей работы, А. И. Айбабин, анализируя соответствующий набор письменных источников (закавказских, арабо-персидских, византийских) и связанные с ними мнения зарубежных и отечественных исследователей, приходит к выводу о достаточно позднем (около середины VII в.) появлении хазар в Предкавказье. Он считает, что более ранние упоминания этого этнонима в данном регионе, скорее всего, являются анахронизмом [5, с. 281-284]. Принимая во внимание аргументацию названного автора, отметим, что, по крайней мере, не менее убедительной выглядит в настоящее время и позиция А. П. Новосельцева. В частности, он отмечает, что ранние упоминания о хазарах в связи с событиями в Закавказье в середине VI в. весьма противоречивы. Тем не менее, уже для 690-х гг. они приобретают реальный характер, а хазарское объединение, при всей неустойчивости политической ситуации в регионе, выдвигается на первый план в Восточном Предкавказье [45, с. 85-86].

² Характерно, что, анализируя одни и те же объекты, один и тот же набор вещевых источников, разные авторы делают на основе этого противоположные выводы, например, А. В. Комар об однозначно хазарском происхождении памятников перещепинского типа [33], О. М. Приходнюк об их болгарской этнической принадлежности [51, с. 25-42]. В этой связи внимания заслуживает выдержанная позиция авторов последней (1997 г.) полной публикации находок из Перещепино, которые, после досконального формально-типологического, сравнительного, технологического, технико-конструктивного, хронологического анализа соответствующего вещевого комплекса, выделения входящих в него групп предметов разного происхождения и времени изготовления, не решаются на однозначные этнические определения или персонификации [18, с. 99-100].

возникали огромные кочевые «народы», которые после военного поражения и политической аннигиляции владельческого рода бесследно исчезали, оставляя в недоумении оседлых соседей и современных исследователей. Особенно это характерно для раннетюркского периода истории степной зоны Евразии, когда тюрки рассматривали себя как народ-сословие, их правящий слой, аристократия – «эль», четко противопоставлял себя рядовому (податному) народу – «будун», «кара-будун». В период распространения влияния Тюркского каганата на запад в конце VI – VII вв. представители тюркских племен, тюркской военной аристократии становились правителями покоренных кочевых племен, превращаясь в течение нескольких поколений в своего рода правящую касту кочевого мира. Культура этой элиты и связанного с ней военно-дружинного слоя, вероятно, отличалась от культуры податного населения и имела тюркские черты [21, с. 18–20].

Армянские и арабо-персидские авторы однозначно отмечают активность тюрков и хазар на Кавказе в районе Дербента, их связь с берегами Каспия, походы в Закавказье. Вообще весь процесс формирования раннехазарского объединения, их выделения из гунно-савирской, оногуро-болгарской и тюркской среды происходит именно здесь. Здесь хазары делают первые самостоятельные шаги в создании своего государства после падения в 630–651 гг. Западно-тюркского каганата, здесь они наследуют основное направление захватнической активности своих сюзеренов – Закавказье. Для авторов, смотревших на события конца VII – VIII вв. с юга, из подверженного набега северных кочевников Закавказья, хазары сначала – часть тюрков³, по крайней мере, с 653 г. их союзники, затем – хазарский каган = тюркскому, или наоборот, и он Царь Севера.

«Ашхарацуйц» – «Армянская География» Анании Ширакаци («новый список») в VII в. локализует хазар в районе нижней Волги: «...После того соединяются с нею две реки, текущие из северо-восточных гор Римика и делают из нее реку с семьюдесятью рукавами, которую турки называют Атль. Среди этой реки находится остров, на котором укрывается народ 8) Баслов от сильных народов 9) Хазар и 10) Бушхов, приходящих на зимние пастбища и располагающихся на восток и на запад реки. Остров называется Черным, потому что он кажется черным, от множества баслов, населяющих его вместе со своими стадами.... Рукава реки Атль за островом снова соединяются, и впадают в Каспийское море...» [47, с. 29–30]. Эти сведения подтверждают и данные византийских хроник начала IX в. «Хронография» Феофана исповедника свидетельствует, что «...из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону, вплоть до Понтийского моря. [Этот народ], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне» [66, с. 61].

Следует отметить, что трактовка К. Цукерманом страны Берзилии, как территории, расположенной в районе притоков средней Волги [65, с. 326–329] вызывает ряд возражений и противоречит информации средневековых авторов [62, с. 95–105]. Основной ошибкой при таком варианте локализации ранней Хазарии (до последней четверти VII в.) является модернизация географических представлений древних и средневековых авторов о территории Восточной Европы, в частности, Поволжья. К. Цукерман, анализируя цитированное выше сообщение Анании Ширакаци, высказывает предположение, что «семьдесят рукавов

³ Феофан под 624/625 г. говорит о заключении союза между Ираклием и тюрками-хазарами [14, с. 130; 66]. В то же время, у Никифора хазары упоминаются гораздо позже, только в связи с переселением Аспаруха за Дунай в 678 г.

Атила» это не протоки дельты, а притоки Волги, расположенные в ее среднем течении, в районе Самарской Луки. Такой взгляд на проблему предполагал бы, как минимум, наличие современных картографических представлений [50, с. 36] Анании Ширакаци о географии описываемой территории. Следует отметить, что такой взгляд на Поволжье (с высоты птичьего полета) не был характерен для этого автора. Анализ его географических экскурсов и описаний свидетельствует, что он, как, впрочем, и подавляющее большинство его предшественников и современников, последовательно реализует так называемый «эгоцентрический» подход к описанию географических объектов, территорий расселения племен и народов и т.д. Точкой отсчета для всех его перечислений является собственное местоположение где-то в Закавказье или, скорее, на территории кавказской Албании. Отсюда «веером», на запад, север, северо-восток распространяются приведенные в его работе географические названия и соответствующая этническая номенклатура, причем, по мере удаления от субъекта соответствующих описаний теряется точность изложения, а далеко на север (севернее Нижнего Поволжья) за неимением точных данных привлекаются фантастические литературные образы, характерные для античной традиции.

Как отмечал Г. Шрамм, исследовавший представления древних авторов о реках Северного Причерноморья [68], реальное знакомство с течением этих рек греков, римлян и даже византийцев, как правило, начиналось и заканчивалось в их низовьях. В описаниях мест впадения Днестра, Буго-Днепровского лимана и дельты Днепра, дельты Дона и т.д. можно обнаружить настоящие географические знания, здесь зафиксированы подлинные географические объекты, населенные пункты, группы племен местного населения. Среднее течение этих рек, как правило, описывалось обзорно, верхнее отдавалось на откуп фантастическим, легендарным представлениям и образам. Античные авторы ничего не знали о реальном течении Волги, ее притоках, особенностях ее дельты, они знали только ее название – Ра, и отмечали факт ее впадения в Каспийское море. Житель соседнего прикаспийского региона Анания Ширакаци обладал более конкретными знаниями о низовьях Волги. Нет сомнений, что он описывает именно ее дельту, делящуюся, перед впадением в море, на многочисленные самостоятельные рукава, образующие острова и островки. В VII в., когда писалась «Армянская География», торговые связи южных прикаспийских областей с Волго-Камьем были еще не развиты, на севере, в районе среднего и верхнего течения Волги тогда еще не было таких центров притяжения торговых интересов как Булгар, который появляется позже, в конце IX – начале X вв. Видимо, только после появления Булгара как самостоятельного транзитного центра Среднего Поволжья, туда массово устремляются купцы восточного происхождения, которые становятся живыми носителями информации о географии этого региона. В любом случае, арабские авторы X в. ал Истахри и ибн Хаукаль в качестве района, в котором Волга делится на многочисленные рукава, воспринимают именно

район дельты⁴, где, к тому же, расположена столица поздней Хазарии, город Итиль. Так же, в качестве «семидесятирукавного» Итиля описывает нижнюю Волгу лично побывавший здесь в первой половине XII в. ал Гарнати⁵. Характерно, что ал Гарнати посетил и Булгар, из Булгара по Волге, а затем и по Оке отправился в Киев, тем не менее, обладая полным набором личных впечатлений об этом регионе, он, естественно, не пишет ни о каких островах в районе Самарской Луки, не воспринимает притоки средней Волги в качестве ее многочисленных рукавов.

В свете критики предложенной К. Цукерманом гипотезы о расположении хазар и их соседей (баслов, бушхов) в середине VII в. в Среднем Поволжье внимания заслуживает аргумент, высказанный И. Г. Семеновым. Последний отмечает, что представляется крайне маловероятным, чтобы раннесредневековый армянский географ мог располагать сведениями сразу о трех народах Среднего Поволжья и при этом ничего не знал о населении Нижнего Поволжья. Очевидно, что должно быть наоборот, и Анания Ширакаци наверняка имеет ввиду именно дельту Волги и населяющие ее окрестности племена [57, с. 299]. Впрочем, именно такой вариант локализации страны Берсилии и Черного острова барсиллов предлагал еще А. В. Гадло, который считал, что в VII в. Волга впадала в Каспийское море намного западнее, чем в настоящее время. Таким образом, вместе с Восточным Манычем и Кумой она образовывала единую систему протоков, пространство между которыми и следует трактовать как «Остров» барсиллов или Черные земли, идеально пригодные для зимнего выпаса скота [14, с. 65-66]. Эту же точку зрения разделяет и автор одной из последних обобщающих работ по археологии ранних хазар А. И. Айбабин [5, с. 287].

С целью поиска мест расселения хазар периода формирования хазарской государственности, выделения их из состава других кочевых племен и народов, постепенного обретения собственного имени и самостоятельной политики на фоне угасания влияния Тюркского каганата, необходимо обратиться к вопросу о происхождении хазар. Очевидно, что эта сложная проблема при нынешнем состоянии источников не может быть решена окончательно, тем не менее, в историографии к настоящему времени уже сформировался основной набор гипотез и система аргументации, позволяющие выбрать наиболее убедительную точку зрения⁶.

⁴ Ал Истахри (первая половина X в.) писал: «Говорят, что река эта [Волга] разветвляется более чем на 70 рукавов, и остается, кроме того, главный поток реки; проходит он через земли хазар и впадает в море. Говорят, что, когда эти потоки соединяются в одну реку во время разлива, то она превосходит величиной Джейхун, и происходит от многоводности ее то обстоятельство, что она, достигая моря, впадает в него, врезываясь на расстояние двухдневного пути...» [25, с. 47]. Почти дословно его повторяет ибн Хаукаль (70-е гг. X в.): «Говорят, что от этой реки расходится более 70 рукавов, а главное русло продолжает течь по хазарской земле до впадения в море...» [26, с. 113; 17, с. 29]. Очевидно, что у обоих авторов речь идет о нижнем течении реки, поскольку верхние притоки, разлившись, не смогли бы снова соединиться в одну реку, которая должна будет впадать, как это и было описано, в Каспийское море.

⁵ В книге «Подарок умам и выборки диковинок» у ал Гарнати есть прямое определение местности в низовьях Волги как семидесятирукавного Итиля: «И впадает в это море огромная река, называемая Итиль; выходит она выше Булгара из области Мраков. Она раз в сто или больше превосходит Тигр. Из нее вытекает семьдесят рукавов, каждый рукав как Тигр, и все-таки остается от нее около Саджсина огромная река» [54, с. 56].

⁶ См., например, работы А. И. Айбабина [3; 5], М. И. Артамонова [10], А. В. Гадло [14], П. Голдена [69], Д. Данлопа [70], А. П. Новосельцева [45] и др.

Одна из них выводит начало этногенеза хазар (как, собственно, и болгар) из событий гуннского нашествия и связывает с последующим его развитием в постгуннской среде, регулярно пополняемой новыми выходцами с востока. Высказанный еще в «Географии» Равеннского анонима тезис о тождестве хазар и акациров, гуннского племени, занимавшего в первой половине V в. степи Восточной Европы, давно был подвергнут критике и не принимается большинством современных авторов [10, с. 56]. Тем не менее, после смерти Аттилы в 454 г. и вытеснения гуннов из Паннонии акациры неизбежно должны были перекочевать к востоку, вероятно за Дон. По данным Прииска Панийского, именно акациры неоднократно проходили через Каспийские ворота на Кавказе, с целью нападения на персов. Иордан не знает их точного местоположения и помещает это племя где-то на юге Восточной Европы, южнее лесной зоны [20, с. 67].

Уже в 463 г. гуннов теснят сарагуры, уроги и оногуры, по одной из версий – тюркские племена древнеуйгурского происхождения, пришедшие из Азии [30, с. 48]. Следом за ними появляются обитатели Южной Сибири, тюркизированные угры-савиры [45, с. 82], вытесненные с мест прежнего пребывания аварами. Все они первоначально аккумулируются в Предкавказье и Каспийско-Черноморском междуморье, через Дербент или Дарьял совершают грабительские походы в Закавказье. Савиры в течение практически всего VI в. известны именно в Предкавказье, они активно участвуют в войнах между Византией и Ираном, принимая то одну, то другую сторону, источники пестрят упоминаниями о савирских военных отрядах на Кавказе и в Закавказье [53, с. 402, 407–408, 431–432; 2, с. 88, 116–117].

Видимо с этого времени в Прикаспии и Предкавказье в смешанной ирано-тюрко-угорской среде начинают формироваться условия для вызревания двух основных раннесредневековых кочевых народов, известных историкам в последующие столетия – хазар и болгар. Складывается впечатление, что именно появление савиров в Центральном Предкавказье предопределило первоначально разделение линий этногенеза оногуров, занявших Западное Предкавказье, Восточное Приазовье и бассейн Кубани, где в дальнейшем формируются болгарские племенные союзы и предков хазар, в районе Западного Прикаспия и Нижней Волги. Возможно также, что хазары какое-то время находились в составе созданного савирами племенного объединения [14, с. 86], по крайней мере, до второй половины VI в. они не проявляются в качестве самостоятельной силы [10, с. 78].

Только в Сирийской Хронике Захария Ритора хазары впервые названы в списке тринадцати кочевых народов, «живущих в палатках и существующих мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием», населяющих степи Северного Предкавказья, это «аунгур, аугар, савир, бургар, куртагар авар, хазар, дирмар, сиригур, баграсик, кулас, абдел и эфталит» [49, с. 165]. Наличие здесь авар (если, конечно, оно не является анахронизмом) свидетельствует о том, что данный список был составлен не ранее 558 г. Вскоре авары нападают на савир и, вероятно, наносят им серьезное поражение, после чего число упоминаний о последних в трудах древних авторов несколько уменьшается.

Савиры распадаются на несколько групп, часть из них оказывается в Албании, часть продолжает кочевать к северу от Дербента. Тем не менее, закавказская традиция отмечает неоднократные нападения савиров и хазар на территорию Албании, причем хазары в этой ситуации по-прежнему выступают как часть савирского военно-политического союза [14, с. 88–89]. В любом случае место пребывания обоих народов граничит с Кавказом, савиры являются соседями аланов, расположены недалеко от Дербента. Очевидно, что где-то в этом же регионе находятся и ранние хазары. Часть савиров, оставшаяся в Прикаспии, принимает

участие в формировании раннего хазарского объединения, широко распространено мнение об их существенной роли и в этногенезе хазар [45, с. 81]. Родство с ними признают сами хазары, о чем в X в. сообщает Иосиф в своем ответном письме Хасдаи ибн Шафруту (краткая редакция). Здесь в хазарской родословной, в списке народов, происходящих от Тогармы, упоминаются, помимо прочих, савиры (Савир) и болгары (Б-л-г-д) [31, с. 74]. По мнению А. П. Новосельцева, хазарские родословные указывают, во-первых, на родство хазар с пестрыми этнополитическими объединениями осколков гуннского союза и, во-вторых, на тюркскую этническую принадлежность самих хазар [45, с. 77].

Близость (если не родство) хазар и савир подтверждает сообщение ал Мас'уди, который писал о том, что тюрки называют хазар савирами [19, с. 132–134], в то же время их персидское название хазаран, а арабское ал-хазар [22, с. 50]. Характерно, что тот же Мас'уди различает хазар и тюрков [45, с. 79].

Известно утверждение арабо-персидского автора X в. ибн Хаукаля о том, что «язык болгар подобен языку хазар»⁷. В свою очередь, на основе изучения сохранившихся болгарских слов специалисты отмечают, что болгарский язык относился к западной группе тюркских языков [10, с. 115]. В то же время, несомненное влияние на дальнейшее развитие хазарского племенного союза, его превращение в раннее государство имело подчинение хазар и других кочевых народов Прикаспия и Предкавказья Тюркскому каганату. Это произошло не позднее 576 г., а приблизительно с 588 г. можно говорить о вхождении этих территорий в состав Западнотюркского каганата [45, с. 85]. Характерно, что утигуры Приазовья (Эвлисии), пытавшиеся оказать сопротивление тюркам в союзе с аланами, оказываются под прямым управлением тюркского военачальника. По мнению А. В. Гадло, конфедерация утигуров не распалась, была смещена лишь ее родоплеменная верхушка, место которой заняли представители тюркской военной аристократии [14, с. 97]. Соответственно, Органа, Кубрат и его сыновья, по всей видимости, имели именно тюркское происхождение, что предполагает и сохранение тюркских традиций в религии, погребальной обрядности, в том числе и в обычае создавать характерные для тюрков Центральной Азии и Южной Сибири поминальные комплексы в честь представителей этого владельческого рода. Эту идею подтверждает известная из «Именника болгарских ханов» претензия династии Аспаруха на происхождение от тюркского рода Дулу [55, с. 176–177], отделившегося от Западного каганата после междоусобных войн в 630-е гг. Часть тюркских владельческих кланов, ассоциировавшая себя с объединением Дулу, противостояла племенам, возглавляемым Нушиби. Именно они закрепились в оногуро-булгарской среде Приазовья и Покубанья [41, с. 16]. Вполне вероятно, что вплоть до середины – второй половины VII в. эта группа кочевой аристократии сохраняет тюркские традиции погребения правителей. В этой связи и памятники Перещепинского круга, как археологический эквивалент этой тюркской традиции аристократических родов, происходящих из Центральной Азии или Южной Сибири и закрепившихся в степной зоне Восточной Европы, с одинаковой вероятностью могут быть приписаны как хазарам, так и болгарам.

Хакана западных тюрков арабские авторы изображают в качестве некоего верховного

⁷ Указание на это сходство имеет принципиальное значение для тюркологов. Махмуд Кашгарский в своем словаре тюркского языка не приводит хазарских слов, они ему не известны, зато имеет представление об особенностях болгарского языка и не сомневается в его тюркской принадлежности [40, с. 94, 363, 635].

правителя местных племен, среди которых уже в 590-е гг. на первый план выдвигаются хазары, правитель которых имеет титул «царя» (малик) [24, с. 43]. В первой трети VII в. во время войн Ираклия с персами хазары выступают в качестве союзников Византии и по договоренности с Ираклием в 626–628 гг. совершают неоднократные походы на Закавказье. По мнению А. П. Новосельцева, Джебгу-какган, выступавший в это время от лица Верховного тюркского кагана, был правителем хазар, лишь формально признававшим верховную власть тюрков. Его сын, Шат или Шад, командовал войсками [45, с. 87]. Следует обратить внимание на то, что и в это время сами хазары дислоцируются где-то поблизости от театра военных действий. Они постоянные обитатели Предкавказья, представляющие перманентную угрозу для жителей Закавказья. Нет никаких оснований для того, чтобы предполагать их нахождение на каких-то иных территориях, например в Среднем Поволжье.

Здесь же встречаются хазар в середине VII в. и появившиеся в районе Дербента арабы. Со слов ал Куфи в 650 г., когда Салман Ибн Раби'а подошел к Дербенту, там находился «...хакан, владыка хазар. ...Когда хакан услышал о приходе арабов к городу, он ушел из него» [1, с. 10]. Халифа Ибн Хаййат (писал в середине IX в.) сообщает, что в 737 г. «...Марван ... прошел Баланджар и Самандар и дошел до ал Байд'а, в которой пребывает хакан...» [11, с. 43]. Ат-Табари о том же походе Мервана пишет следующее: «С такими соединенными силами приблизился он [Мерван] в воинском порядке к Семендеру, где жил Хакан, царь хазарский...» [16, с. 87].

О том, что столицей «хазарских царей» до арабо-хазарских войн был Семендер, сообщает ал Мас'уди: «Столицей [последних] был Самандар, город, лежащий на расстоянии восьми дней пути от ал Баба. Он и сейчас населен народом из хазар; но так как в ранние дни ислама он был завоеван Сулайманом б. Раби'а ал Бахили, то управление было перенесено оттуда в город Атил» [42, с. 192]. В другом случае тот же ал Мас'уди называет старой столицей Хазарии Беленджер: «...город Итиль, нынешнюю столицу хазарского царства. До этого времени был столицей их город Беленджер» [26, с. 33–34].

Таким образом, ранние хазары VII – начала VIII вв. – обитатели Северо-Западного Прикаспия, они расположены где-то между Нижней Волгой и Дербентом, у них есть выраженная территория и внешнеполитические интересы, направленные в первую очередь на юг, в Закавказье. Около 678 г. определяется новое, западное направление экспансии усилившихся хазар. Они частично покоряют, а частично вытесняют протоболгар в Волгодонском междуречье и выходят в Поднепровье. Вполне вероятно, что такая возможность появилась у них благодаря определенному затишью на юге, когда после поражения арабской армии под Беленджером в 653 г. и гибели Абд-ар-Рахмана военные действия между противниками не возобновлялись до 706 г. [58, с. 74].

Первая волна хазарской экспансии в левобережном Поднепровье связана с подчинением болгарской орды Батбая в Восточном Приазовье, разгромом и преследованием бежавшей на Дунай группировки, возглавляемой младшим сыном Кубрата – Аспарухом. Произошло это, по данным Феофана и Никифора, в 678 г. В погоне за Аспарухом хазары достигают Днепра и, вероятно, получают возможность выхода в крымские степи. По крайней мере, уже около 700 г. они представляют собой реальную силу в Крыму, находятся в непосредственной близости от Дороса и Херсона, активно вмешиваются в династическую борьбу в Византии. Убедительный набор археологических данных, свидетельствующих о пребывании на территории Крыма хазарских военных отрядов, о взятии ими целого ряда населенных пунктов, в том числе и центра Боспора – Керчи, приводит А. И. Айбабин [5, с. 284–285].

Как представляется, и Днепро-Донские степи и Крым входят в это время в зону интересов и влияния оформляющегося Хазарского каганата, но не становятся местом постоянного проживания хазарских племен. Как покажут события ближайших десятилетий, основная масса хазар по-прежнему сконцентрирована в Прикаспии, где они и принимают активное участие в войнах с арабами вплоть до 737 г. и далее, в 60-е – 90-е гг. VIII в.

Примерно в это же время, во второй половине – конце VII в. на территории лесостепного Днепровского левобережья выпадают так называемые антские клады первой группы. Состав входивших в них вещей свидетельствует о принадлежности данных материалов представителям некой племенной элиты [52, с. 127], имевшей интернациональные вкусы, во многом сформированные в позднегерманской варварской среде, возможно, под влиянием ремесленных центров Подунавья, Боспора и т.д. Элита эта погибает или уходит навсегда, поскольку вещи остались в земле, а на месте позднепеньковских древностей на берегах левых притоков Днепра в начале VIII в. появляются памятники волынцевской культуры. Вероятно, на этом этапе поведение хазар действительно носило характер временной военной акции [32, с. 211], не имело системных последствий, не привело к установлению хазарского управления в славянской среде, возможно, ограничилось разовой контрибуцией (грабежом) местного населения и приведением его к формальной покорности.

Однако говорить о подчинении хазарам уже в это время северян, радимичей и вятичей невозможно, такое утверждение явно модернизирует ситуацию в собственно славянской среде, таких союзов племен в это время еще не существовало и возникли они, в лучшем случае, через сто лет после указанных событий. На левобережье Днепра славяне начинают расселяться только в VIII в., здесь фиксируется несколько группировок – роменская (на Десне, Сейме, Ворскле), а также боршевская (на Оке и Дону). Как подчеркивал В. В. Седов, эти племена не были исключительно территориальным формированием, а сложение северян Повести временных лет происходило в результате взаимодействия роменско-боршевского контингента с местным населением [56, с. 136–142].

Интересное объяснение причин смены культур в Днепровском левобережье и выпадения здесь кладов первой антской группы предложили еще в 1996 г. И. О. Гавритухин и А. М. Обломский. По их мнению, данные клады отражают, прежде всего, экспансию славян правобережья на территорию пеньковско-колочинского массива, где затем формируется волынцевская культура. Это новое население было многокомпонентным, а исходная территория начала этой миграции пока не определена, тем не менее, хронологически она совпадает со временем появления на правобережье культуры типа Лука-Райковецкой, что дает основание датировать (вместе с датами кладов первой группы) данные процессы концом VII в. [13, с. 146–147]. Этим же временем датируется и время хазарского проникновения на обозначенную территорию [4, с. 81–82]. Таким образом, освоение левобережья славянскими племенами происходило одновременно с утверждением здесь хазар и разгромом какой-то поздней пеньковской племенной группы, что не исключает определенной согласованности в действиях между хазарами и славянами [13, с. 147].

В Поднепровье в это время появляются какие-то группы кочевников, которые считают это место своей основной территорией и, видимо, хоронят здесь своих вождей или погибших соратников, о чем свидетельствует, по крайней мере, часть памятников перещепинского круга. В этой связи трактовка обрядовых действий, которые осуществляли создатели этих объектов, как относящихся к тюркской традиции, имеющей параллели в Центральной Азии

[4, с. 80–81; 5, с. 291; 9, с. 212–220; 33, с. 18–21], представляется вполне вероятной⁸. Это в определенной степени подтверждает проведенный А. К. Аликберовым пересмотр сообщений ряда средневековых авторов о раннем периоде хазарской истории. В частности, он выявляет параллельное существование хазаро-гунно-савирских и тюркских групп на подступах к Кавказу во второй половине VII в. В противостоянии с арабами оформляется их союз, в котором постепенно начинают преобладать хазары [8, с. 45–48]. Что это были за тюрки – не ясно, по всей видимости, они представляли собой какие-то осколки Западно-тюркского каганата, не ушедшие на восток. Возможно, именно они и получили имя баслов, басликов, базилов [5, с. 295], а территория их проживания стала называться страной Берсилией. Они, в силу своего значения на раннем этапе хазарской истории, были основными брачными партнерами хазарских каганов.

После перехода хазар к экспансии в западном направлении на острие удара против протоболгар Аспаруха могли оказаться именно эти тюркские группы и возглавляемые ими оногуро-булгарские племена. Освоив новые территории между Днестром и Доном, они выполняли функцию приграничных войск, маркировали границу с Аварским каганатом памятниками наподобие Вознесенского комплекса, стали причиной выпадения славянских кладов в Поднепровье, оказывали давление на Византию в период борьбы за власть Юстиниана II и т.д.

Не исключено также, что не все прежние обитатели этой территории, протоболгары, ушли на запад вместе с Аспарухом. Общий хозяйственно культурный тип, близость языка, длительные контакты в предшествующий период истории были условием их достаточно органичного включения в тюркскую племенную среду. Нельзя абсолютизировать исход болгар и их противопоставление хазарам вслед за автором письма хазарского царя Иосифа: «...В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы. Наши предки, хазары, воевали с

⁸ Впервые тюркское происхождение обрядовых действий, как собственно и поминальный (а не погребальный) характер кочевнических комплексов VII–VIII вв. в левобережном Поднепровье (Перещепино, Глудосы, Вознесенка), обосновал А. К. Амброз. Наибольшее сходство с подобными поминальными комплексами из Центральной Азии (храмы Кюль-Тегина и Бильгя кагана) обнаруживает Вознесенка. В то же время А. К. Амброз подчеркивал, что «нельзя забывать о большой территориальной удаленности Вознесенки от области распространения восточнотюркских храмов, в сооружении которых к тому же отразилось участие танских мастеров. Общи не столько детали, сколько основная идея поминального комплекса, возможно объяснимая не одним прямым влиянием из центра Тюркского каганата, но и древней близостью верований разных ветвей азиатских кочевников. Варианты поминальных комплексов имелись у пришедших в Восточную Европу степняков задолго до постройки грандиозного Вознесенского храма» [9, с. 216]. Автор однозначно отрицает факт погребения кочевого хана в Глудосах, считая найденные там остатки кремации следами человеческого жертвоприношения, подтверждая это предположение большим количеством примеров из круга собственно тюркской (азиатской) погребальной (поминальной) традиции [9, с. 218–219]. По его мнению, «комплексы из Перещепина, Глудос и Вознесенки образуют типологический ряд в пределах второй половины VII и первой половины VIII в. В самом раннем из них «клад» зарыт на небольшой дюне без следов сооружения, зато только золота он содержал более 21 кг. В Глудосах появились довольно скромные сооружения, а количество золота уменьшилось до 2,6 кг. В грандиозном Вознесенском храме золота только 1,2 кг, зато состав железных вещей и обилие костей от поминальной пищи могут свидетельствовать об участии в церемонии большого коллектива. Следовательно, в этот период у кочевников Поднепровья постепенно уменьшалась варварская роскошь скрытых в земле подношений, зато росло общественное значение царского поминального комплекса» [9, с. 220].

ними. В-н-н-тр'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени «Дуна». До настоящего дня они расположены на реке «Дуна» и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня» [31, с. 92]. Общеизвестно, что письмо это имело целью произвести впечатление на абонента – испанского сановника Хасдаи ибн Шафрута.

Кочевники быстро создавали полиэтничные конгломераты, которые при всех внутренних противоречиях весьма эффективно действовали в борьбе с внешними противниками (например, кутригуры в войске авар до поражения 626 г.). Как также известно, протоболгары наряду с аланами вошли в состав населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры середины VIII – начала X вв. в Подонцовье. Следует отметить в этой связи особую группу обитателей лесостепи, использовавшую погребальный обряд трупосожжения [7, с. 5–7]. Памятники этих родоплеменных образований обнаружены на достаточно большой территории вдоль верхнего течения Северского Донца в Балаклейском, Змиевском, Чугуевском районах Харьковской области. Это могильники у с. Красная Горка, Сухая Гомольша, Кочеток и т.д. Отдельные погребения с трупосожжениями обнаружены на территории селища у с. Пятницкое. Что характерно, в целом, это население создает впечатление хорошо вооруженного и военизированного, большинство погребений содержат предметы вооружения, конской сбруи и т.д. Учитывая явно кочевнический набор оружия, культ коня, обряд трупосожжения, вполне можно предполагать тюркское⁹ или тюрко-болгарское происхождение этих групп [6], связанное с тем самым населением, которое и оставило в конце VII в. памятники перещепинского типа. Вполне вероятно, что отдельные

⁹ На территории проживания собственно тюркских племен в Центральной Азии и Южной Сибири и распространения раннесредневековой тюркской государственности погребения с трупосожжением были обнаружены в 1960–1970-е гг. в высокогорных областях Тувы. Как отмечал А. Д. Грач, группы тюркских памятников – погребения с трупосожжениями, сочетавшиеся с поминальными комплексами, территориально весьма удалены друг от друга: одна из них находится на границе котловины Великих Озер Монголии, у южных склонов хребта Танну-Ола, другая – вблизи отрогов Шапшальского хребта, в верховьях р. Хемчик [15, с. 207]. Китайские династийные хроники свидетельствуют о том, что на определенном этапе истории тюрк-туго обряд трупосожжения при похоронах знатных тюрк существовал до первой трети VII в.: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоого пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слёзы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определённое время года в могилу. Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развёртываться...» [15, с. 210–211]. Данные письменных источников и археологический материал позволяют датировать обнаруженные в Туве древнетюркские комплексы с трупосожжением VI – первой половиной VII вв. Обряд трупосожжения стал вытесняться обрядом трупоположения в первой трети VII в. Между тем, обряд трупосожжения, по-видимому, имел место на Орхоне и позднее – при погребениях тюркских каганов, принцев и наиболее выдающихся деятелей II тюркского каганата. Что же касается областей тюркской кочевой империи (от Хангая до Тянь-Шаня), то обряд трупоположения (господствующая форма – трупоположение с конем) распространился в это время повсеместно и безраздельно [15, с. 212–213].

родоплеменные группы тюрков, переселившиеся на территорию Восточной Европы в период существования Западно-тюркского каганата, были носителями обряда трупосожжения. Здесь, в условиях хазарской государственности и в окружении иноэтничной среды, они оказались консервативнее своих соплеменников, оставшихся в Центральной Азии, и сохранили обряд трупосожжения вплоть до VIII-IX вв.

В то же время, нет достаточных оснований для того, чтобы связывать эти и подобные им памятники с труположением (например, Нетайловский могильник) с собственно хазарами. Как отмечают специалисты, центр скопления хазарской знати четко фиксируется изменением места находок византийских золотых монет, ясно определяющих политическое возвышение Хазарского каганата и союзнические отношения с ним Византии в ходе противостояния арабам. Этот центр находится в нижнем левобережном Подонье, между Доном и Волгой, где обнаружены подкурганые погребения с ровиками, которые и содержат византийские солиды первой трети – середины VIII в. Как известно, памятники перещепинского типа содержат (в разном соотношении) солиды, чеканенные с конца VI по 40-е гг. VII вв. и отражают союз тюрков (возможно, именно тюркоболгар) против Ирана, а также союзнические отношения племенной верхушки Великой Болгарии и Византийского двора.

Таким образом, основным центром Хазарии, местом концентрации собственно хазарских родоплеменных групп как в VII–VIII вв., так и позже следует считать Нижнее Поволжье, Волго-Донское междуречье, Северо-западный Прикаспий. Нет никакой необходимости предполагать постоянные переселения масс хазар из Поволжья в Поднепровье (конец VII в.) и обратно (начало VIII в.) в связи с военно-политической конъюнктурой. Данные письменных и археологических источников не дают достаточных оснований для развития этой гипотезы.

До 630 г. болгары Приазовья, по всей видимости, оногундуры, входили в зону влияния Тюркского каганата, куда они попали не позднее взятия тюрками Боспора в 576 г. (так же как куртригуры с 560-х гг. и до 635–640-х гг. входили в состав Аварского каганата). Западные тюрки, как известно, были союзниками Ираклия во время войн с Ираном в 627–628 гг., выставляли свои контингенты, высылали армии в Закавказье. Вполне вероятно, что кочевые протоболгары из северо-западного Предкавказья и восточного Приазовья могли, а скорее даже должны были входить в состав этих контингентов во главе со своими племенными вождями [14, с. 123-124]. Вообще, именно в этот период в Азово-Каспийском междуморье происходит формирование крупных конфедераций племен, во главе которых стоит военная аристократия [14, с. 106]. Она, в качестве вассалов каганата, находящихся, к тому же, в непосредственной близости от театра боевых действий, по логике вещей, вместе с хазарами составляла основу тюркской армии в данном регионе. Известно, что в войске тюрков были представлены самые различные народы, обладавшие заметными для постороннего наблюдателя этнографическими различиями. Среди них были «бреющие головы», «носящие косы», «с распущенными волосами» и т.д., соответственно исследователи связывают эти признаки с оногурами-болгарами, уграми, тюрками [14, с. 135]. М. И. Артамонов, используя данные «Именника болгарских ханов», считает, что «бреющими головы» были именно протоболгарские племена [10, с. 155]: «Держали княжение по ту сторону Дуная эти пять князей пятьсот пятнадцать лет с остриженными головами» [55, с. 176]. Характерно, что последние из остриженных князей это именно Курт – Кубрат и Безмер, в котором обычно усматривают Батбая, как известно, подчинившегося хазарам после ухода Аспаруха на Дунай, т.е. около 678 г. Следовательно, также как собственно тюрки и хазары, они участвовали в дележе добычи после побед над персами и взятия многочисленных городов Албании, а также после удачной осады Тифлиса.

Таким образом, можно согласиться с предположением А. В. Комара о том, что наличие сасанидских вещей, изготовленных специально для царского двора (кувшин и ложчатая чаша), в погребальном наборе владельца перещепинского комплекса свидетельствует о его принадлежности правителю влиятельного кочевнического объединения [33, с. 26]. Впрочем, нет достаточных оснований для того, чтобы связывать эти предметы персидского происхождения с конкретным историческим событием, например, захватом ставки Хосрова Парвиза войсками Ираклия в 628 г. Еще Ю. А. Кулаковский отмечал, что после осады Тифлиса и совместного пиршества войска союзников – византийцев и тюрков-хазар (шад с 40 тысячами конного войска), двинулись в сторону коренных персидских территорий. В то же время, кочевники не выдержали трудностей похода по горной местности и, сначала частями, а потом и полностью, отделились от армии Ираклия и вернулись назад, в Предкавказье [38, с. 86]. Скорее всего, во взятии Дастакерта кочевые контингенты вообще не принимали участия, соответственно, не участвовали они и в дележе сокровищ, принадлежавших Хосрову.

В то же время, кочевое объединение, вождь которого получал от Византии регулярные драгоценные подарки, вполне могло принадлежать протоболгарам, вошедшим в дальнейшем в т.н. Великую Болгарию. Союзник Византии Органа или его племянник Кубрат развивали и свою воинскую карьеру, и свои взаимоотношения с византийским двором во время совместных с тюрками походов в Закавказье. Впрочем, даже если эти предметы и были получены (добыты) каким-то протоболгарским (тюрком Дуло, стоящим во главе оногундуров) вождем (например, Органой) во время совместных с тюрками и византийцами войн с Персией, это не доказывает, что в Перещепино был похоронен именно Кубрат. Скорее, следует остановиться на той поливариантности трактовки происхождения этого уникального комплекса, которую предложили авторы его последней и наиболее полной публикации [18, с. 100].

Следует обратить внимание на еще одну проблему. Материальная культура протоболгар периода максимального расцвета их объединения в 630–660-е гг. обычно связывалась с памятниками Сивашевского типа [3, с. 98, рис. 34; 51, с. 39; 52, с. 128]. В то же время, предложенная А. В. Комаром трактовка этих погребений как хазарских (тюркских), принадлежащих военачальникам среднего звена и синхронных памятникам перещепинского круга (высшая тюрко-хазарская знать), лишает протоболгар всех прав на существование. Если следовать этой логике, то их вообще не было в середине VII в. в Днепро-Донском междуречье, что явно противоречит данным византийских письменных источников. Складывается абсурдная ситуация, когда в период военно-политического расцвета протоболгарского объединения, его международного признания, наиболее тесных дипломатических и личностных контактов его вождей с Византией, отсутствуют археологические памятники, свидетельствующие о наличии значительных массивов протоболгарских кочевых племен в Днепро-Донском междуречье, северном Приазовье, степном Крыму. А ведь именно эти кочевые племена каган Иосиф называет в своем письме «бесчисленными как песок морской». Они, располагаясь в Приазовье и Покубанье, имели возможность выставлять воинские контингенты в Закавказье, для войн с персами. В последующий период, в начале VIII в., хазары использовали их там же для войн с арабами. В VII в., под влиянием авар или по собственной инициативе, они могли повернуть на запад, к границам Византийского государства, усилив и без того опасное давление Аварского каганата на империю. Такое стратегическое положение протоболгарского союза, его военный, людской потенциал и были, вероятно, той причиной, которая заставляла византийских дипломатов считаться с Органной и Кубратом, дарить им подарки, принимать при дворе, крестить и т.д.

В этой же связи уже не первый год исследователей наталкивает на размышления четкое хронологическое разделение монетных комплексов, представленных в памятниках Перещепинского типа в Поднепровье и т.н. курганах с ровиками в нижнем левобережном Подонье. Они явно отражают два разных этапа взаимодействия кочевых групп степной зоны Восточной Европы с Византийской империей. Первый связан с дохазарским периодом союзничества Византии и болгар Приазовья, крещения некоего болгарского хана в Константинополе в период между 613 и 619 гг., союзнических отношений Ираклия и Кубрата, освобождения Кубрата от власти (или влияния) авар и т.д. Это монетные комплексы из Перещепина (69/70 экз.), Келегей (7 экз.), в частности, 20-ти каратный солид Ираклия (610–613 гг.), Новых Санжар (7 экз.). Они датируются, в основном, временем правления Маврикия (582–602 гг.), Фоки (602–610 гг.), Ираклия (610–641 гг.), Ираклия Константина, Ираклиона. Авторы последней публикации перещепинского комплекса относят 4 полновесных 24 каратных солида ко времени совместного правления Ираклия и Ираклия Константина (629–632 гг.), один к концу царствования Ираклия (638–641 гг.) – первым годам правления Константа II (641–646 гг.) [18, с. 18]. Отмечено также два медальона, весом в два с половиной солида, предназначенных для раздачи при дворе или для посылок иностранным государям, датируются они 629–632 гг. и, вероятнее всего, были первоначально получены союзником Ираклия – Кубратом.

Характерно, что подавляющее число монет из Перещепино выпущено в правление Ираклия с сыновьями (41 экземпляр) и Константа II (19 экземпляров) [18, с. 19]. Приток этих монет начинается в конце VI или в первом десятилетии VII вв. и заканчивается в середине 640-х гг. Более поздние монеты в данных комплексах не встречаются. Соответственно, все монеты получены обитателями степи еще в период преобладания болгар в регионе, до установления здесь хазарского господства. Если следовать логике сторонников хазарской принадлежности памятников перещепинского типа и датировке их по вещевому материалу концом VII – началом VIII вв., то возникает закономерный вопрос. Почему победоносные хазары, распространившие свое влияние на Поднепровье и Крым не позже 678 г., кладут в погребения своих вождей только те византийские монеты, которые были в свое время получены правителями Великой Болгарии? Почему здесь не встречаются монеты конца VII – начала VIII вв., например, периода обоих правлений Юстиниана II (685–695 и 705–711)? Тем более, что поводов для поступления монет в это время было более чем достаточно, жена Юстиниана, хазарка, в крещении Феодора, была дочерью кагана, а ее сын, соответственно, был внуком кочевого правителя. Специалистам хорошо известна ситуация, сложившаяся в период борьбы Юстиниана за власть, перед вторым его восшествием на престол. Несмотря на все описанные Феофаном и Никифором недоразумения с каганом [66, с. 62–63], в конечном итоге хазарская принцесса вместе с новорожденным сыном оказалась в Константинополе в качестве законной супруги императора и его наследника¹⁰.

В то же время, поступление византийских монет на территорию именно Хазарского

¹⁰ Статуя хазарской принцессы, а теперь императрицы Византии была поставлена в Константинополе рядом со статуей ее мужа. Есть предположение, что в связи с этим в столице империи побывал и сам каган, чествование которого происходило у «Царской цистерны» [37, с. 290–291]. Ал Мас'уди называет жену Юстиниана дочерью «малика хазар». А. А. Новосельцев убежден, что в данном случае речь идет именно о хакане хазар [46, с. 372], который в тот период хазарской истории еще обладал всей полнотой власти в государстве.

каганата фиксируется несколько позже и совсем в другом регионе степной зоны восточной Европы, в ином археологическом контексте. Это особенно показательно в свете распространенного мнения о том, что легкие 20-ти каратные солиды предназначались именно для господствующей племенной верхушки варварских народов. Их распределение, по всей видимости, должно указывать на какие-то перемены в мире кочевников [18, с. 23], смену господствующих групп, усиление или угасание военно-племенных союзов, их различную роль в политике Византии. Принято также считать, что процесс выпадения поступавших к кочевникам монет носил случайный характер и отражал особенности их вторичного обращения. Как правило, монеты были превращены в украшения, имели припаянное ушко или гнезда для вставок, не использовались в процессе товарно-денежного обращения. Очевидно, что они являлись особо престижными украшениями, могли выступать в качестве знака отличия представителей кочевой аристократии, в качестве находок в погребениях они являются одним из индикаторов высокого социального положения погребенных [34, с. 79].

Все это заставляет обратить внимание на факт прекращения с середины 640-х гг. поступления византийских золотых монет в Поднепровье и появление их в Подонье, в контексте принадлежавших, по всей видимости, хазарам подкурганых погребений с ровиками. Здесь наиболее ранним считается солид Константа II выпуска 651–654 гг., а наиболее поздним – солид Константина V 741–751 гг. [44, с. 69]. Е. В. Круглов относит эти византийские монеты к третьей территориально-хронологической группе (вторая половина VII – VIII вв.) и отмечает, что большинство из них было обнаружено в подкурганых кочевнических захоронениях типа Соколовской Балки, главным образом, на Нижнем Дону и в Поволжье. По его мнению, условия проникновения этих монет в кочевую среду возникают именно в период бегства Юстиниана II в Фанагорию, его брака с хазарской принцессой и борьбы за власть с Тиберием III [34, с. 87].

Таким образом, группа кочевой аристократии, имевшая в своем распоряжении солиды выпуска конца VI – середины 40-х гг. VII в., была погребена в Поднепровье в конце VII – VIII вв. Другая группа кочевой аристократии, с изменившимся (или все же изначально иным?) обрядом погребения, владеет солидами, выпущенными после 651 г. и, в большей степени, монетами первой половины VIII в. Эти кочевники обитают на территории Волго-Донского междуречья, а их погребения расположены, в основном, в нижнем левобережном Подонье. По всей видимости, эти монетные находки отражают все же союз Византии и Хазарии в борьбе с арабами в Закавказье и на Северном Кавказе. Здесь, уже в рамках хазарской государственности и длительных совместных военных кампаний кочевых групп, входивших в состав хазарской армии, постепенно преодолеваются некие языковые и социальные различия в хазаро-тюркской племенной среде.

Складывается устойчивое впечатление, что в ранний период хазарской экспансии степи Днепро-Донского междуречья были населены каким-то активным военизированным кочевым населением, входившим в состав первоначальной хазарской конфедерации. Это положение дел приходится на период, предшествовавший активной фазе арабо-хазарских войн. Оно было возможно, самое позднее, до похода Мервана 737 г., после которого позиции Хазарского каганата на Северном Кавказе были временно поколеблены, что привело к определенным перемещениям населения и изменению векторов внешней и внутренней политики этого государства. На тюркскую этническую принадлежность этого населения достаточно определенно указывают зафиксированные археологами черты погребальной обрядности. Они проявляются как у военных предводителей – кочевой верхушки, накопившей

значительные богатства, представленные в памятниках перещепинского круга, так и у рядовых представителей воинского сословия – командиров небольших отрядов, вождей большесемейных кочевых подразделений – айлов. Что это были за тюрки, достоверно не известно, данные письменных источников по этому поводу отсутствуют, тем не менее, обряд их погребения отличается от обряда, зафиксированного в Прикаспии и Нижнем Подонье, а их предводители явно принесли с собой в Поднепровье азиатские традиции, характерные для Северной Монголии и Алтая [35, с. 94-97; 36, с. 146-147; 61, с. 71-73; 63 и т.д.]. Эти традиции существовали недолго, около столетия, в конце VII – первом десятилетии VIII вв. Представляется вероятным, что это была какая-то группа собственно тюрков – тугю, оставшаяся в Восточной Европе после крушения Западного тюркского каганата в 630–650-е гг. Известно, что падение этого кочевого государства сопровождалось длительными междоусобными войнами, экспансией со стороны Танского Китая. Потерпевшие поражение подразделения бежали из Центральной Азии и нашли спасение от окончательного разгрома на крайнем западе бывшего Тюркского каганата, в составе оногуро-болгарских родоплеменных объединений или нарождающейся хазарской конфедерации [10, с. 170–171].

Возможно, что это были именно те группы, которые вместе с хазарами и другими кочевыми племенами Северного Предкавказья участвовали в походах Ираклия в Закавказье, осаждали Тифлис, совершали набеги на кавказскую Албанию. Именно с этими тюрками, имя которых постепенно замещается в Закавказской традиции именем хазар, столкнулись арабы во время первых конфликтов с северными кочевниками в Албании и в районе Дербента в 653 г. После распада Великой Болгарии Кубрата и создания нового союза кочевых племен, возглавленного хазарами, постепенно происходило оформление этого союза в государство. По мере преодоления сопротивления его основных противников, на первом этапе – оногуро-болгарских племен Восточного и Западного Предкавказья, Покубанья и Восточного Приазовья, эти тюрки осваивают степи Днепро-Донского междуречья и Крыма. Они – часть хазарского объединения, воспринимаются соседями и авторами письменных источников как хазары, осуществляют хазарскую политику в регионе. Основные задачи этой политики – давление на непокорных оногуро-булгар Аспаруха (преследовали их до Дуная), давление на пограничные пункты Византии в Крыму, на славян Поднепровья, определенная демаркация сфер влияния с Аварским каганатом (по Днепру и далее на запад).

После поражения хазар в войне с арабами 737 г., когда лучшие силы хазарской армии были разгромлены, а хазарский каган принимает унижительные условия победителей, в том числе соглашается на принятие ислама, эти тюрки, не затронутые арабскими походами, по всей видимости, участвуют в определенном реформировании хазарской государственности. Трудно судить о том, какую именно этническую принадлежность имел хазарский каган на ранних этапах истории каганата. В любом случае, очевидно, что, несмотря на факт принятия иудаизма хазарской социальной верхушкой, целый ряд обычаев, связанных с существованием института каганов, до X в. сохраняет тюркскую языческую традицию [48, с. 73–76]. Как отмечают исследователи, это и сакральный характер власти кагана, и обычай его ритуального удушения в момент принятия властных полномочий, когда каган в полубессознательном состоянии должен был сам определить сроки своего правления, и обычаи преклонения перед каганом бека и

всего населения¹¹, а если нужно – его умерщвления в случае неудач государственной политики, помпезный и явно языческий погребальный обряд каганов и т.д. По мнению И. Г. Семенова, в IX в. произошла узурпация большей части властных полномочий кагана именно хазар-эльтебером, который правил этническими хазарами, традиционно проживавшими между Нижней Волгой и Терексом, а с этого времени получил титул бека [57, с. 306].

Как представляется, такой вариант объяснения событий ранней хазарской истории снимает противоречие между выводами авторов, опирающихся на традиционный набор письменных источников, с одной стороны, и результатами археологической интерпретации памятников перещепинского типа, с другой. Собственно хазары (этнические хазары), стоявшие в это время (конец VII – начало VIII вв.) во главе нарождающегося кочевого государства, обитают в районе Северо-Западного Прикаспия, Нижней Волги, Прикаспийского Дагестана. Здесь сосредоточены их основные людские и хозяйственные ресурсы [14, с. 136], отсюда они совершают набеги на территорию Кавказской Албании и Закавказья, здесь формируется ядро возглавляемого хазарами объединения. Возможно, что одной из основных причин этой консолидации была власть западных тюрок над названными территориями (по крайней мере, с последней четверти VI по первую треть VII вв.) и активное участие хазар в войнах Ираклия с Сасанидским Ираном. Тогда хазары осознают себя как военную силу, тогда же определяется основной на тот период вектор их внешнеполитических интересов. Именно здесь находится и основная ставка (или ставки) хазарского кагана, в том числе известная в первой трети VIII в., в период арабо-хазарских войн, Ал Байда [62, с. 74].

В Днепро-Донецкой лесостепи не ранее окончания гражданской войны в Западном каганате (после 651 г.), возможно, после смерти Кубрата и распада его объединения (660-е гг.), появляются группы тюрок, возглавляемые представителями традиционных аристократических родов, сохранивших свою культуру и обряд погребения, характерный для Центральной Азии и Алтая. Они ассоциируются у византийцев с хазарами, вероятно,

¹¹ Например, у ибн Фадлана: «Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право же, он не показывается иначе, как [раз] в каждые четыре месяца, [появляясь] в [почетном] отдалении. Его называют большой хакан, а его заместителя называют хакан-бех. ... И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. ... Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними. ... Когда этот большой царь выезжает верхом, [то] едут [также] все войска по случаю его выезда, причем между ними и частями кортежа миля [расстояния], и ни один из его подданных не видит его иначе, как павши ниц на свое лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него. ...» [24, с. 52-53]. Очевидно, что описанные обряды крайне далеки от классического иудаизма, а точнее не имеют к нему никакого отношения. Обычай использования очищающего огня при приближении к кагану характерен именно для традиции развитого профессионального тюркского шаманизма [39, с. 261], свидетелем чему стал византийский посол Зимарх еще в 568 г. По данным Менандра: «Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришел к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, сложили их вместе; потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя, и этим, казалось, они и самих себя очищали» [12, с. 376]. Очевидное продолжение этой тюркской традиции мы наблюдаем в приведенном выше отрывке из Ибн Фадлана.

подчинены хазарам или находятся в союзе с ними. По крайней мере, история Юстиниана II, подробно описанная Феофаном и Никифором, разворачивается в Крыму и Таматархе на рубеже VII и VIII вв. на фоне однозначного хазарского присутствия и военно-политического преобладания. С хазарами нужно считаться и договариваться, к хазарскому кагану апеллирует отстраненный от власти император. Значение кагана настолько велико, что эти отношения скрепляются первым в истории Византии династическим браком последнего представителя династии Ираклия с кочевой принцессой [61, с. 93–95]. Эти тюрки оставляют погребальные и поминальные комплексы высшей кочевой знати перещепинского круга и погребения дружинного типа наподобие известных у с. Портовое, в Костогрызово, Калининской, Старонижнестеблиевской, Чапаевском и т.д. [4, с. 69–70].

После поражения хазар в войне 737 г. представители тюркских аристократических родов перемещаются в междуречье Дона и Волги, где принимают участие в дальнейшей политической истории Хазарского каганата. Возможно, они являются одними из носителей погребального обряда трупоположений под курганами с ровиками [64, с. 185]. В Днепро-Донском междуречье в VIII–IX вв. этническая ситуация остается сложной, хотя на новом этапе население этого региона по-прежнему подчиняется центральной хазарской власти, влияние которой на отдельные родоплеменные подразделения только усиливается. Как известно, после арабо-хазарских войн, примерно в 40–50-е гг. VII в., на берега Северского Донца переселяются разрозненные племена алан с Северного Кавказа. Они размещаются чересполосно, иногда в непосредственном соседстве с какими-то тюрко-болгарскими, тюрко-хазарскими или тюрко-угорскими группами, оставившими могильники с трупоположением (Нетайловка, Волоконовка и т.д.), трупоположением и трупосожжением (Красная Горка), трупосожжением (Сухая Гомольша и т.д.) [43, с. 88–90].

Их точный этнический состав вряд ли будет когда-нибудь определен достоверно (наверное, это просто невозможно), но несомненно присутствие в их составе тюркского элемента, наследование тех или иных вариантов тюркской погребальной обрядности. Это – трупосожжение с оружием и конской сбруей [15, с. 211–213], трупоположение в могилах с заплечиками [33; 64] и сопровождающим погребением коня [63], иногда восточная или северо-восточная ориентация погребенных, войлочные или берестовые подстилки под погребенными и т.д., что свидетельствует о вероятной связи этих подразделений с предшествующим населением степи, оставившим памятники перещепинского круга. Не исключено, что в его составе были не только тюрко-хазарские, но и тюрко-болгарские, оногуро-болгарские (огурские) айлы, входившие в свое время в состав Великой Болгарии Кубрата. До 630-х гг. они, также как и хазары, находились в составе Западно-тюркского каганата и принимали участие в его политике в Закавказье.

Связь протоболгар с тюрками тугю могла быть достаточно тесной, не менее тесной, чем связь тюрков и хазар, как в военном, так и в политическом отношении. Не случайно родственник (предок) Кубрата (возможно, дядя) Органа, принимал участие в междоусобных войнах и борьбе за власть в Западном Каганате. Само имя Кубрата (Курт в «Именнике болгарских ханов») современные болгарские авторы трактуют как волк, что указывает на связь болгарских владельческих родов с общетюркской мифологической традицией, если и не на прямую общность происхождения с тюрками, то на определенную претензию к такой общности [17, с. 36–38]. Волками называет Сандилх, вождь утигуров, своих соседей кутригуров. Широко известна легенда о происхождении правящего рода тюрков тугю Ашина от брака волчицы и выжившего после побоища искалеченного врагами мальчика и т.д.

Кроме того, при всех существующих сложностях с реконструкцией религиозных представлений ранних болгар Первого Болгарского Царства на Дунае, вероятно, не случайным является упоминание в одной из надписей Мадарского святилища верховного бога Тангра, которого хан Омуртаг почтил жертвоприношением. Как отмечал С. Г. Кляшторный, общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических вероисповеданий и суеверий, установленная между тюрко-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа в большей или меньшей степени распространялась на религиозные верования дунайский праболгар с их культом Тангра (Тенгри хана) [29, с. 318; 59, с. 65–68; 67, с. 72–73]. В этой связи представляется, что тюркский облик поминальных комплексов кочевой знати и погребений дружинников в Днепро-Донском междуречье и Крыму не исключает сосуществования в составе этого кочевого конгломерата как савиро-хазарских, так и оногуро-болгарских кочевых подразделений, находившихся под тюркским влиянием и попавших в зависимость от представителей тюркской кочевой аристократии. С. Г. Кляшторный вообще считал, что оногуры (огуры, современная форма – уйгуры) являлись одним из телесских племен, ушедших в V в. в сторону «Западного моря» и переселившихся в район Прикаспия и Причерноморья¹². Здесь они разделились на ряд племенных союзов – собственно оногуров (десять огуров), кутригуров (тридцать огуров), сарагуров (белых огуров) [30, с. 48]. После появления на территории степной зоны Восточной Европы в последней четверти VI в. тюрки туго они органично вошли в состав Тюркютской империи.

Уйгурские надписи на Терхинской (753 г.) [27, с. 94] и Тесинской (762 г.) [28, с. 86] стелах, обнаруженных в Северной Монголии, свидетельствуют о вхождении в состав западных тюркских (огурских) племен (учуков) хазар (Касар) и барсиллов (Барсил), предводители которых, Кадыр и Беди, погибли во время первой междоусобицы в Каганате между 582 и 603 гг. [30, с. 50]. Характерно, что хазары во всех случаях, как и в «Армянской Географии» Анании Ширакаци или в трудах арабо-персидских авторов, упоминаются одновременно или рядом с барсилами, а их судьбы в первые столетия пребывания в Прикаспии и Причерноморье тесно связаны с общим оногуро-булгарским контекстом. Таким образом, фиксируемое на общеисторическом фоне родство хазар (касар) и болгар (огур), их общие тюркские корни и участие на разных этапах, в том числе в конце VI – первой трети VII вв., в перипетиях истории раннетюркских государственных образований, дополнительно подкрепляется источниками центрально-азиатского происхождения и выводами филологов. Проявления этого родства (сходства) закономерны и ожидаемы в материальной культуре кочевых народов, в том числе в памятниках погребальной обрядности как раннехазарского времени, так и периода существования салтово-маяцкой культуры VIII–X вв.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Мухаммад Ахмад Ибн А'Сам Ал Куфи. Книга завоеваний. (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. акад. З. М. Буниятова. Баку: Элм, 1981. 84 с.
2. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и прим. М. В. Левченко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 219 с.
3. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

¹² Сходную точку зрения высказывали и некоторые зарубежные авторы. Так Д. Данлоп предполагал уйгурское происхождение хазар [69, р. 34–40]. П. Голден указывал на сложное оногуро-савирское происхождение конгломерата, возглавленного тюрками – хазарами (коса или кеса, китайских источников) [70, р. 53, 58].

4. Айбабин А. И. Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский Альманах. Харьков, 2009. Т. 8. С. 67–88.
5. Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. Симферополь; Керчь, 2013. Вып. 18. С. 277–315.
6. Аксенов В. С., Тортика А. А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 191–218.
7. Аксенов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII – первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника) // Хазарский Альманах. Киев; Харьков, 2004. Т. 3. С. 5–24.
8. Аликберов А. К. Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010. С. 42–65.
9. Амброс А. К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 204–222.
10. Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
11. Бейлис В. М. Сообщения Халифы Ибн Хаййата ал-’Усуфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М.: Восточная литература, 2000. С. 32–53.
12. Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петрь Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Перевод Спиридона Дестуниса; примечания Гвриила Дестуниса. СПб.: Иждивен. Духовного ведомства, 1860. XIII, 516 с.
13. Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.
14. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 216 с.
15. Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 207–213.
16. Дорн Б. А. Известия о хазарах восточного историка Табари, с отрывками из Гафис Абру, Ибн-Ал-зем-Эль Куфи и др. // Журнал министерства народного просвещения. 1844. Ч. 43. № 7–8. Отдел 2. С. 1–25, 67–98.
17. Живков Б. Легендата за Кубрат, превръщанията на вълка и заревеното съкровеще // Древните българи – дискусиата продължава. Сборник. 2014. С. 36–49.
18. Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фoniaкова Н. А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997. 335 с.
19. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Гурган и Поволжье IX–XI вв. М.: Восточная литература, 1962. 278 с.
20. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер., вступ. ст., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейа, 2013. 512 с.
21. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Введение в этногенез и этническую историю татарского народа. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2007. 132 с.
22. Калинина Т. М. Употребление этикона ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. // Хазарский Альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 41–51.
23. Калинина Т. М. Волга в географической номенклатуре арабо-персидских ученых // Сборник Русского исторического общества: Россия и мусульманский мир. М., 2003. № 7(155). С. 25–37.
24. Калинина Т. М. Знать хазар по данным арабо-персидских источников // Хазарский Альманах. Харьков, 2005. Т. 4. С. 43–56.
25. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 1–73.
26. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. VII. Ал-Мукадасий. VIII. Мас’уди. IX. Ибн-Хаукаль // Сборник материалов для описания местностей и

- племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 1–130.
27. Кляшторный С. Г. Терхинская надпись (Предварительная публикация) // **Советская тюркология**. 1980. № 3. С. 82–95.
 28. Кляшторный С. Г. Тэсинская стела (Предварительная публикация) // **Советская тюркология**. 1983. № 6. С. 76–90.
 29. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
 30. Кляшторный С. Г. Азіатський аспект ранньої історії хозар // *Хазарский Альманах*. Харьков, 2004. Т. 2. С. 47–51.
 31. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 134 с.
 32. Комар А. В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // *Хазары, евреи и славяне*. Т. 16. М.; Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. С. 207–219.
 33. Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII вв. // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк, 2006. Т. 5. Хазарское время. С. 7–244.
 34. Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // *Хазарский Альманах*. Харьков, 2002. Т. 1. С. 79–93.
 35. Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дъёр-Тебе // *Древние культуры Алтая и Западной Сибири*. Новосибирск, 1978. С. 86–98.
 36. Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // *Древние культуры Монголии*. Новосибирск, 1985. С. 136–148.
 37. Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3. Киев, 1915. 432 с.
 38. Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3.: 602–717 гг. СПб.: Алетея, 2004. 352 с.
 39. Кызласов Л. Р. О шаманизме древнейших тюрков // **СА**. 1990. № 3. С. 261–264.
 40. Махмуд ал-Кашгари. *Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и ком. З.-А. М. Ауэзовой*. Индексы составлены Р. Эмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
 41. Мингазов Ш. Р. Великая Болгария и роль тюркоязычных болгарских племен в истории Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Казань, 2013. 27 с.
 42. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.: Восточная литература, 1963. 265 с.
 43. Михеев В. К. Северо-Западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // *Хазарский Альманах*. Киев; Харьков, 2004. Т. 3. С. 74–93.
 44. Науменко В. Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // *Хазарский альманах*. Харьков; М., 2003. Т. 2. С. 52–76.
 45. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
 46. Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. М.: Восточная литература, 2000. С. 367–379.
 47. Патканов К. Из нового списка географий, приписываемой Моисею Хоренскому // *Журнал министерства народного просвещения*. 1883. Ч. CCXXV. С. 21–32.
 48. Петрухин В. Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // *Славяне и их соседи*. Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10. С. 73–78.
 49. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М., 1941. 171 с.
 50. Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. М.: Наука, 1978. С. 22–45.
 51. Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.). Київ; Чернівці: Прут, 2001. 284 с.
 52. Приходнюк О. М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата //

- Хазарский Альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 125–130.
53. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
54. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Пер. с арабск., вступ. статья и прим. О. Г. Большакова; истор. коммент. А. Л. Монгайта. М.: Восточная литература, 1971. 135 с.
55. Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / Пер. И. Калиганова, Д. Польшанного. М.: Художественная литература, 1990. 527 с.
56. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв.: Археология СССР с древнейших времён до средневековья в 20-ти т. М.: Наука, 1982. 337 с.
57. Семенов И. Г. География собственно Хазарии и вопрос о поисках иудейско-хазарских памятников // Хазарский Альманах. Харьков, 2009. Т. 8. С. 289–314.
58. Семенов И. Г. К реконструкции военно-политической и этнической структуры раннего Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010. С. 66–76.
59. Степанов Ц. Религия или религии на (пра) болгарите: факты и теории // Историята, истината, историк. Материали от научната конференция «Движение на идеите и изследованията върху българското възрождане и история на културата». Организирана на 2 ноември 2011 г. от историческия и философския факултет на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София, 2012. С. 65–68.
60. Табалдиев К. Ш., Худяков Ю. С. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 65–85.
61. Тортика А. А. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства // Східний Світ. Київ, 2005. № 1. С. 90–106.
62. Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков: Харьковская государственная академия культуры, 2006. 553 с.
63. Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конём древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-туغو) // Тюркологический Сборник 1972. М., 1973. С. 351–374.
64. Флерова В. Е. Проблемы исследования ямных и курганных могильников хазарского времени на Нижнем Дону // Хазарский Альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 169–188.
65. Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 312–333.
66. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1980. 215 с.
67. Чобанов Т. Езическите храмове на Дунавска България // Древните българи – дискусиата продължава. Сборник. 2014. С. 366–390.
68. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М.: Eastern Communications, 1997. 155 с.
69. Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princeton; New Jersey, 1954. 293 p.
70. Golden P. B. Khazar Studies. Budapest, 1980. Vol. 1. 291 p.

REFERENCES

1. Abu Muhammad Ahmad Ibn A'Sam Al Kufi. *Kniga zavoevaniy. (Izvlacheniya po istorii Azerbaydzhana VII–IX vv.)*. Per. akad. Z. M. Bunyatova. Baku, Elm Publ., 1981, 84 p.
2. Agafiy. *O tsarstvovanii Yustiniana*. Per., statya i primech. M. V. Levchenko. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1953, 219 p.
3. Aybabin A. I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryima*. Simferopol, DAR Publ., 1999, 352 p.
4. Aybabin A. I. Rannie hazarskie arheologicheskie pamyatniki v Severnom Prichernomore. *Hazariskiy Almanah*, Harkov, 2009, T. 8, pp. 67–88.
5. Aybabin A. I. Arheologicheskoe nasledie hazar vremeni sozdaniya kaganata. *Materialyi po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol; Kerch, 2013. Vol. 18. pp. 277–315.

6. Aksenov V. S., Tortika A. A. Protobolgarskie pogrebeniya Podonya i Pridonechya VIII–X vv.: Problema polivariantnosti obryada i etnoistoricheskoy interpretatsii. *Stepi Evropyi v epohu srednevekovya*, T. 2. Hazarskoe vremya. Donetsk, 2001, pp. 191–218.
7. Aksenov V. S. Ob etnicheskoy neodnorodnosti krematsiy VIII – pervoy polovinyi X vv. Podontsovy (po materialam Suhogomolshanskogo mogilnika). *Hazarskiy Almanah*, Kiev, Harkov, 2004, T. 3, pp. 5–24.
8. Alikberov A. K. Rannie hazaryi (do 652/653 g.), tyurki i Hazarskiy kaganat. *Hazaryi: mif i istoriya*, Moskow, Ierusalim, 2010, pp. 42–65.
9. Ambroz A. K. O Voznesenskom komplekse VIII v. na Dnepre – vopros interpretatsii. *Drevnosti epohi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vv.* Moskow, 1982, pp. 204–222.
10. Artamonov M. I. *Istoriya hazar*. Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1962, 523 p.
11. Beylis V. M. Soobscheniya Halifyi Ibn Hayyata al-'Ufurii ob arabo-hazarskiy voynah v VII – pervoy polovine VIII v. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropyi. 1998 g.* Moskow, Vostochnaia literatura Publ., 2000, pp. 32–53.
12. *Vizantiyskie istoriki: Deksipp', Evnapiy, Olimpodor', Malh', Petr' Patrity, Menandr', Kandid', Nonnos' i Feofan Vizantiets.* Perevod Spiridona Destunisa; primechaniya Gavriila Destunisa. SPb.: Izhdiven. Duhovno go vedomstva, 1860. XIII, 516 p.
13. Gavrituhin I. O., Oblomskiy A. M. *Gaponovskiy klad i ego kulturno-istoricheskii kontekst.* Moskow, 1996, 296 p.
14. Gadlo A. V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* Leningrad, Leningradskii universitet Publ., 1979, 216 p.
15. Grach A. D. Drevneyshie tyurkskie pogrebeniya s sozhzheniem v Tsentralnoy Azii. *Istoriya, arheologiya i etnografiya Sredney Azii.* Moskow, 1968, pp. 207–213.
16. Dorn B. A. Izvestiya o hazarah vostochnogo istorika Tabari, s otryivkami iz Gafis Abru, Ibn-Al-zem-El Kufi i dr. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosvescheniya*, 1844, Part 43, N 7–8, Otdel 2, pp. 1–25, 67–98.
17. Zhivkov B. Legendata za Kubrat, perev'pl'sheniyata na v'lka i zarovenoto s'krovesche. *Drevnite b'lgari – diskusiyata prod'lzhava.* 2014, pp. 36–49.
18. Zaleskaya V. N., Lvova Z. A., Marshak B. I., Sokolova I. V., Fonyakova N. A. *Sokrovischa hana Kubrata. Pereschepinskiy klad.* St. Petersburg, 1997, 335 p.
19. Zahoder B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope: Gurgan i Povolzhe IX–XI vv.* Moskow, Vostochnaia literatura Publ., 1962, 278 p.
20. Iordan. *O proishozhdenii i deyaniyah getov.* Per., vtp. st., komment. E. Ch. Skrzhinskoy. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2013, 512 p.
21. Ishakov D. M., Izmaylov I. L. *Vvedenie v etnogenez i etnicheskuyu istoriyu tatarskogo naroda.* Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani, 2007. 132 p.
22. Kalinina T. M. Upotreblenie etikona al-hazar v arabo-persidskiy istochnikah IX–X vv. *Hazarskiy Almanah*, 2002, T. 1, pp. 41–51.
23. Kalinina T. M. Volga v geograficheskoy nomenklature arabo-persidskiy ucheniyh. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva: Rossiya i musulmanskii mir.* Moskow, 2003, N 7(155), pp. 25–37.
24. Kalinina T. M. Znat hazar po dannym arabo-persidskiy istochnikov. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2005, T. 4, pp. 43–56.
25. Karaulov N. A. Svedeniya arabskiy pisateley o Kavkaze, Armenii i Azerbaydzhane. I. Al-Istahriy. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza.* Tiflis, 1901, Vol. 29, pp. 1–73.
26. Karaulov N. A. Svedeniya arabskiy pisateley o Kavkaze, Armenii i Azerbaydzhane. VII. Al-Mukaddasiy. VIII. Mas'udi. IX. Ibn-Haukal. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza.* Tiflis, 1908, Vol. 38, pp. 1–130.
27. Klyashtornyiy S. G. Terhinskaya nadpis (Predvaritel'naya publikatsiya). *Sovetskaya tyurkologiya.* 1980. N 3. pp. 82–95.

28. Klyashtorniy S. G. Tesinskaya stela (Predvaritelnaya publikatsiya). *Sovetskaya tyurkologiya*. 1983. N 6. pp. 76–90.
29. Klyashtorniy S. G. *Istoriya Tsentralnoy Azii i pamyatniki runicheskogo pisma*. SPb.: Filologicheskiy fakultet SPbGU, 2003. 560 p.
30. Klyashtorniy S. G. Aziatskiy aspekt rannoi istorii hozar. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2004, T. 2, pp. 47–51.
31. Kokovtsev P. K. *Evreysko-hazarskaya perepiska X v*. Leningrad, Akademii nauk SSSR Publ., 1932, 134 p.
32. Komar A. V. Istoricheskie predposylki vozniknoveniya legendy o polyanskooy dani hazaram po arheologicheskim dannym. *Hazaryi, evrei i slavyane*. T. 16. Moskow, Ierusalim, Mostyi kulturyi-Gesharim Publ., 2005, pp. 207–219.
33. Komar A. V. Pereschepinskiy kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kulturyi kochevnikov Vostochnoy Evropyi VII – nach. VIII vv. *Stepi Evropyi v epohu srednevekovya*, T. 5. Hazarskoe vremya. Donetsk, 2006, pp. 7–244.
34. Kruglov E. V. Nekotorye problemy analiza osobennostey obrascheniya vizantiyskikh monet VI–VIII vv. v vostochnoevropayskikh stepyakh. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2002, T. 1, pp. 79–93.
35. Kubarev V. D. Drevnetyurkskiy pominalnyi kompleks na Dʹor-Tebe. *Drevnie kulturni Altaya i Zapadnoy Sibiri*. Novosibirsk, 1978, pp. 86–98.
36. Kubarev V. D. Drevnetyurkskie kenotafyi Borotala. *Drevnie kulturni Mongolii*. Novosibirsk, 1985, pp. 136–148.
37. Kulakovskiy Yu. A. *Istoriya Vizantii*. T. 3. Kiev, 1915, 432 p.
38. Kulakovskiy Yu. A. *Istoriya Vizantii*. T. 3: 602–717 gg. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2004, 352 p.
39. Kyzlasov L. R. O shamanizme drevneyshikh tyurkov. *Sovetskaya Arheologiya*. 1990. N 3. pp. 261–264.
40. Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk*. Perevod, predislovie i kommentarii Z.-A. M. Auezovoy. Indeksyi sostavlenyi R. Emersom. Almatyi: Dayk-Press, 2005, 1288 p.
41. Mingazov Sh. R. *Velikaya Bolgariya i rol tyurkoyazychnykh bolgarskikh plemen v istorii Evropyi*. Abstract of kandidat. diss. Kazan, 2013, 27 p.
42. Minorskiy V. F. *Istoriya Shirvana i Derbenta X–XI vv*. Moskow, Vostochnaia literatura Publ., 1963, 265 p.
43. Mihev V. K. Severo-Zapadnaya okraina Hazarii v svete novykh arheologicheskikh otkrytiy. *Hazarskiy Almanah*, Kiev, Harkov, 2004, T. 3, pp. 74–93.
44. Naumenko V. E. K voprosu o vremeni i obstoystelstvakh obrazovaniya Hazarskogo kaganata. *Hazarskiy almanah*, Harkov, Moskow, 2003, T. 2, pp. 52–76.
45. Novoseltsev A. P. *Hazarskoe gosudarstvo i ego rol v istorii Vostochnoy Evropyi i Kavkaza*. Moskow, Nauka Publ., 1990, 264 p.
46. Novoseltsev A. P. K voprosu ob odnom iz drevneyshikh titulov russkogo knyazya. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropyi. 1998 g. Pamyati chl.-kor. RAN A. P. Novoseltseva*. Moskow, Vostochnaia literatura Publ., 2000, pp. 367–379.
47. Patkanov K. Iz novogo spiska geografii, pripisyivaemoy Moiseyu Horenskomu. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosvescheniya*, 1883, Part CCXXV, pp. 21–32.
48. Petruhin V. Ya. K voprosu o sakralnom statuse hazarskogo kagana: traditsiya i realnost. *Slavyane i ih sosedi. Slavyane i kochevoy mir*; Moskow, 2001, Vol. 10, pp. 73–78.
49. Pigulevskaya N. V. *Siriyskie istochniki po istorii narodov SSSR*. Moskow, 1941, 171 p.
50. Podosinov A. V. Kartograficheskiy printsip v strukture geograficheskikh opisaniy drevnosti (postanovka problemy). *Metodika izucheniya drevneyshikh istochnikov po istorii narodov SSSR*. Moskow, Nauka Publ., 1978, pp. 22–45.
51. Prihodnyuk O. M. *Stepove naseleण्या Ukraini ta shidni slovʹyani (druga polovina I tis. n.e.)*. Kiev; Chernivtsi: Prut Publ., 2001, 284 p.
52. Prihodnyuk O. M. Vostochnye slavyane i stepnoy mir v period stanovleniya Hazarskogo kaganata. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2002, T. 1, pp. 125–130.

53. Prokopyi iz Kesarii. *Voyna s gotami*. Per. S. P. Kondrateva. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950. 515 p.
54. *Puteshestvie Abu Hamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentralnuyu Evropu (1131–1153 gg.)*. Per. s arabsk., vstup. statya i primech. O. G. Bolshakova; istor. komment. A. L. Mongayta. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1971, 135 p.
55. *Rodnik zlatostruyniy: Pamyatniki bolgarskoy literatury IX–XVIII vv.*: Sb. Per. I. Kaliganova, D. Polyivyannogo. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, 527 p.
56. Sedov V. V. *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.*: Arkheologiya SSSR s drevneishikh vremen do srednevekov'ia v 20-ti t. Moscow, Nauka Publ., 1982, 337 p.
57. Semenov I. G. Geografiya sobstvenno Hazarii i vopros o poiskah iudeysko-hazarskikh pamyatnikov. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2009, T. 8, pp. 289–314.
58. Semenov I. G. K rekonstruktsii voenno-politicheskoy i etnicheskoy strukturyi rannego Hazarskogo kaganata. *Hazaryi: mifi i istoriya*. Moscow, Ierusalim, 2010, pp. 66–76.
59. Stepanov Ts. Religiya ili religii na (pra) b'lgarite: fakti i torii. *Istoriyata, istinata, istorik. Materiali ot nauchnata konferentsiya «Dvizhenie na ideite i izsledovaniyata v' rhu b'lgarskoto v'zrazhdane i istoriya na kulturata»*. Sofiya, 2012, pp. 65–68.
60. Tabaldiev K. Sh., Hudyakov Yu. S. Drevnetyurkskie pominalnyie pamyatniki na Tyan-Shane (po materialam issledovaniy Naryinskogo otryada). *Pamyatniki drevnetyurkskoy kulturyi v Sayano-Altai i Tsentralnoy Azii*. Novosibirsk, 2000, pp. 65–85.
61. Tortika A. A. Dinasticheskie braki kak element vneshney i vnutrenney politiki Hazarskogo gosudarstva. *Shidniy Svit*, Kiev, 2005, N 1, pp. 90–106.
62. Tortika A. A. *Severo-Zapadnaya Hazariya v kontekste istorii Vostochnoy Evropyi (vtoraya polovina VII – tretaya chetvert' X vv.)*. Harkov, Khar'kovskaia gosudarstvennaia akademiia kul'tury Publ., 2006, 553 p.
63. Trifonov Yu. I. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti pogrebeniy s kon'om drevnetyurkskogo vremeni (v svyazi s voprosom o strukture pogrebalnogo obryada tyurkov-tugyu). *Tyurkologicheskiiy Sbornik 1972*. Moscow, 1973, pp. 351–374.
64. Flerova V. E. Problemyi issledovaniya yamnyih i kurgannyih mogilnikov hazarskogo vremeni na Nizhnem Donu. *Hazarskiy Almanah*, Harkov, 2002, T. 1, pp. 169–188.
65. Tsukerman K. Hazaryi i Vizantiya: pervyye kontaktyi. *Materialyi po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2001, Vol. VIII, pp. 312–333.
66. Chichurov I. S. *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya: «Hronografiya» Feofana, «Breviariy» Nikifora*. Teksty, per., komment. Moscow, Nauka Publ., 1980, 215 p.
67. Chobanov T. Ezicheskite hramove na Dunavska B'lgariya. *Drevnite b'lgari – diskusiyata prod'zhava*. 2014, pp. 366–390.
68. Shramm G. *Reki Severnogo Prichernomor'ya: Istoriko-filologicheskoe issledovanie ih nazvaniy v rannih vekah*. Moscow, Eastern Communications Publ., 1997, 155 p.
69. Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars*. Princeton; New Jersey, 1954, 293 p.
70. Golden P. B. *Khazar Studies*. Budapest, 1980, Vol. 1, 291 p.

А. А. Тортика

Политические центры Хазарского каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (середина VII – начало VIII вв.)

Резюме

Анализируется комплекс сообщений раннесредневековых авторов о ранней истории Хазарского каганата конца VII – середины VIII вв. Результаты изучения письменной традиции сравниваются с выводами археологов. Отмечено, что в ранний период хазарской экспансии степи Днепро-Донского междуречья были заняты военизированным кочевым населением. На его тюркскую этническую принадлежность указывают черты погребальной обрядности памятников перещепинского типа. Вероятно, это была группа тюрков, оставшаяся в Восточной Европе после крушения Западного каганата.

Они – часть хазарского объединения и воспринимаются соседями как хазары.

Собственно хазары обитают в районе Северо-Западного Прикаспия, между Волгой и Дагестаном. Здесь сосредоточены их основные людские ресурсы, отсюда они совершают набеги на Закавказье, здесь формируется ядро хазарского объединения.

Связь болгар с тюрками также могла быть не менее тесной, чем связь тюрок и хазар. Тюркский облик поминальных памятников кочевой знати и рядовых погребений в Поднепровье не исключает существования в составе этого конгломерата болгарских кочевых подразделений.

Ключевые слова: территория, географические представления, этногенез, кочевники, тюрки, аристократия, каганат.

A. A. Tortika

Political Centres of the Khazar Khaganate and the Ethnic Khazar Settlement Area in the Early Stages of Its History (Mid-Seventh to Early Eighth Centuries)

Summary

This article analyses the complex of early mediaeval writers' accounts on the early history of the Khazar khaganate from the mid-seventh to the early eighth century. The results of the study of this written tradition have been compared with the conclusions drawn by archaeologists. It is pointed out that, in the early period of the Khazar expansion, the steppe between the Dnieper and the Don was occupied by war-loving nomadic population. The features of funeral ritualism of the Pereshchepino type indicates the Turkic ethnicity of the said population. There probably was a group of Turks who stayed in Eastern Europe after the fall of the Western khaganate. They formed a part of the Khazar union, perceived by neighbours as the Khazars. The Khazars proper lived in the north-western Caspian Sea area, between the Volga and Dagestan. There was the main concentration of their human resources, thence they started their raids against Transcaucasia, and in this area shaped the core of the Khazar alliance. The connection of the Bulgars and the Turks perhaps was as much close as that between the Turks and the Khazars. The Turkic appearance of funeral monuments of nomadic elite and ordinary burials in the Dnieper area allows the author to consider that the said conglomerate included some Bulgarian nomadic sub-divisions.

Keywords: territory, geographical ideas, ethnogenesis, nomads, Turks, elite, khaganate.